

НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

СУФФОЛК

1

Тело без рук лежало на дне маленькой шлюпки, качавшейся на волнах недалеко от суффолкского берега. Труп мужчины средних лет облегал саваном темный полосатый костюм точно по фигуре. Туфли ручной работы сохранили блеск, не считая легких потертостей на носках, выпирающий кадык был подперт шелковым галстуком. Этот мореплаватель поневоле перед смертью оделся для выхода в город, позаботившись о каждой мелочи. Уплыть в одиночку в открытое море не входило в его планы. Тем более погибнуть.

Остекленевшие глаза отражали редкостной голубизны октябрьские небеса с подгоняемыми юго-западным ветром клочками облаков. Северное море мерно покачивало дощатую скорлупку без мачты и уключин, отчего голова мертвеца поворачивалась то вправо, то влево, как в беспокойном сне. Лицо мужчины, непримечательное и при жизни, после смерти приобрело прискорбную бессодержательность. Ветерок шевелил над шишковатым лбом редкие светлые волосенки; нос был таким узким, что острая белая кость грозила прорвать кожу; в маленьком разинутом рте с тонкими губами белели два выступающих передних зуба, отчего мертвец походил на зайца, позволившего себе перед смертью презрительную усмешку.

Застывшие в смертной судороге ноги находились по одну сторону от кожуха выдвижного киля, обрубки рук покоились на банке. Кистей не было, как и луж крови: только черные запекшиеся полосы на поросших светлым

волосом локтях и пятна на банке — похоже, она послужила колодой для отрубания кистей. И больше никаких следов крови на теле и в шлюпке.

Правую руку обрубали чисто, о чем свидетельствовала белизна лучевой кости; с левой рукой вышло хуже: обрубок заканчивался ошметками плоти с острыми, как иглы, костяными обломками. Перед рубкой рукава пиджака и манжеты рубашки закатали; золотые запонки с инициалами повисли и, медленно вращаясь, отражали лучи осеннего солнца.

Выцветшая шлюпка с шелухой облезающей краски на бортах смотрелась в пустынном море как брошенная игрушка. Одиночество картины нарушал лишь причудливый силуэт каботажного судна, державшего курс на Ярмут. В два часа дня небо пересекла в направлении суши черная точка, тянувшая за собой облачный шлейф, и воздух взорвался от рева двигателей. Рев стих — и снова воцарилась тишина, нарушаемая плеском воды о борта шлюпки и редкими криками чаек.

Внезапно шлюпка содрогнулась, медленно завращалась и, словно подхваченная течением, стала приближаться к берегу. Черноголовая чайка, легко спланировавшая на нос шлюпки и застывшая там, как скульптура над водорезом, недовольно вспорхнула и с возмущенным криком закружила над телом. Шлюпка медленно, но неумолимо несла к берегу сквозь пену прибоя свой страшный груз.

2

В два часа пополудни того же дня старший инспектор Адам Дэлглиш медленно въехал на своем автомобиле «купер-бристоль» на поросший травой холм и через минуту вошел в северный придел церкви Блитберга, одной из красивейших в Суффолке, встретившей его холодной серебряной белизной. Он ехал на мыс Монксмир, что к югу от Данвича, чтобы провести десятидневный осенний отпуск с незамужней тетушкой, единственной своей еще живой

родственницей. Блитберг стал его последней остановкой. Адам Дэлглиш покинул свою лондонскую квартиру до того, как город проснулся, и вместо того, чтобы направиться на Монксмир напрямик, через Ипсвич, двинулся на север, через Челмсфорд, чтобы въехать в Суффолк через Садбери. После завтрака в Лонг-Мелфорде он повернул на запад и, миновав Лейвенхэм, медленно покатыл по избежавшему загрязнения и вулгарного приукрашивания графству, любуясь зеленью и золотом пейзажей. Настроение у него было бы под стать этому чудесному деньку, если бы не постоянное беспокойство. Дэлглиш сознательно тянул до отпуска с важным шагом в личной жизни. До возвращения в Лондон ему предстояло решить, делать ли предложение Деборе Риско.

Вопреки логике решение принималось бы легче, если бы он заранее не знал, каким будет ее ответ. На нем полностью лежала ответственность, менять ли нынешний удобный статус-кво (по крайней мере удобный для него; с тем, что Дебора теперь счастливее, чем год назад, можно было поспорить) на обязательство, которое для обоих станет бесповоротным независимо от исхода. Мало какие пары так несчастливы, как те, которые из гордости не признаются в своем несчастье. Кое-какие опасности были ему известны. Адам знал, что его работа внушает Деборе неприязнь, даже ненависть. Неудивительно и даже само по себе не важно. Работа — его выбор, и он никогда ни от кого не требовал одобрения или поощрения. Однако страшно было представить, что любую задержку на работе, любую непредвиденную случайность впредь придется предварять извиняющимся телефонным звонком. Прохаживаясь под восхитительными балочными сводами церкви и вдыхая типичное англиканское сочетание ароматов — мастики, цветов и ветхих молитвенников, — Адам подумал, что получил то, чего желал, именно в тот момент, когда заподозрил, что больше этого не хочет. Столь банальная развязка не могла надолго расстроить умного человека, разве что ненадолго вывести из равновесия. Его пугала

не утрата свободы; больше всего причитают по этому поводу как раз наименее свободные. Гораздо труднее было смириться с потерей независимости. Принять расставание с физической приватностью и то было нелегко. Поглаживая резной аналой пятнадцатого века, Адам пытался представить жизнь в квартире в Куинхите нос к носу с Деборой, превратившейся из нетерпеливо ожидаемой гостьи в часть его жизни, законную, сертифицированную ближайшую родню...

Неудачный момент решать личные проблемы! В Скотланд-Ярде произошла крупная перетряска с неизбежным нарушением устоявшихся связей и рутины, вызвавшая поток слухов и жалоб. Работы, правда, меньше не стало. Большинство начальствующего состава трудилось теперь по четырнадцать часов в сутки. Его последнее дело, успешно раскрытое, было особенно утомительным. Расследование убийства ребенка превратилось в охоту на человека — именно в то, чего Адам терпеть не мог и для чего менее всего подходил по характеру: это была упорная проверка фактов на виду у прессы, в обстановке ужаса и истерии, охвативших округу. Родители ребенка вцепились в него, как утопающие в спасателя, свою последнюю надежду, и он до сих пор почти физически ощущал тяжесть их безутешности и вины. Адам должен был выступать одновременно утешителем и отцом-исповедником, мстителем и судьей. Ничего нового в этом для него не было. Он не чувствовал личной вовлеченности в их горе и был, как всегда, силен как раз этой отстраненностью, подобно тому как многие его коллеги, столкнувшись с таким же преступлением, были бы сильны именно противоположным — яростным, самозабвенным сопереживанием. Однако его все еще не отпускало напряжение того дела, и осенним ветрам Суффолка предстояло изрядно потрудиться, чтобы изгнать из памяти Адама тягостные картины. Ни одна благоразумная женщина не могла ожидать от него предложения руки в разгар подобного расследования; вот и Дебора ничего подобного не ждала. То, что он нашел время и энергию,

чтобы за несколько дней до ареста подозреваемого закончить вторую книгу стихотворений, не подлежало обсуждению. Ужас мешал ему признаться даже себе, что сомнительный талант может служить извинением эгоизму и инерции. В последнее время Адам был недоволен собой, и надеяться, что отпуск пойдет ему на пользу, не следовало.

Через полчаса он осторожно закрыл за собой тяжелую дверь церкви и проделал последние несколько миль до Монксмира. Адам предупредил тетю в письме, что придет примерно в половине третьего, и теперь понимал, что скорее всего успеет. Если тетя выйдет в это время из дома, то увидит на мысу приближающийся «купер-бристоль». Он с любовью представлял ее высокий угловатый силуэт у калитки. В истории ее жизни не было ничего необычного, и Адам угадывал ее содержание по неосторожным обмолвкам матери, частично просто знал как факт собственного детства. Ее жених погиб в 1918 году, всего за полгода до перемирия, когда она была еще молоденькой девушкой. Мать, хрупкая избалованная красавица, стала худшей женой, какую только можно было придумать, для эрудированного сельского священника, — она сама часто в этом признавалась, полагая, что откровенность послужит оправданием и извинением очередному приступу ее эгоизма или эксцентричности. Она терпеть не могла зрелище чужого горя, хотя бы на время делавшее других интереснее ее; к гибели молодого капитана Мескелла отнеслась серьезно. Каким бы тяжелым ударом это ни стало для ее чувствительной, необщительной и довольно неуживчивой дочери, ни у кого не должно было возникнуть сомнения, что мать страдает еще сильнее. Через три недели после похоронной телеграммы она умерла от инфлюэнцы. Вряд ли в ее планах было заходить так далеко, но подобный результат пришелся бы ей по душе. Безутешный муж за одну ночь забыл про раздражение и тревоги своего брака, сохранив в памяти только ее жизнерадостность и красоту. О том, чтобы он снова женился, и подумать было нельзя, и он оправдал ожидания. Джейн Дэлглиш, о трагедии ко-

торой всем теперь было недосуг вспоминать, заняла место скончавшейся матери и оставалась хозяйкой в доме отца, приходского священника, до его выхода на пенсию в 1945 году, а потом еще десять лет, до самой его смерти. Она была очень умна, и если ее даже не устраивала никогда не менявшаяся рутина домашних хлопот и приходских дел, предсказуемая и неизбежная, как литургический год, ни разу об этом не обмолвилась. Ее отец был настолько уверен в высочайшей важности собственного призвания, что ему не приходило в голову считать излишними чьи-либо усилия на том же поприще. Джейн Дэлглиш заслужила среди прихожан уважение, но не любовь, делала все, чего от нее требовал долг, и находила утешение в изучении жизни пернатых. После смерти отца опубликованные ею работы, опиравшиеся на тщательные наблюдения, принесли ей кое-какую известность; со временем то, что приход снисходительно именовал «маленьким хобби мисс Дэлглиш», превратило Джейн в одного из самых уважаемых орнитологов-любителей. Пять лет назад она продала свой домик в Линкольншире и приобрела «Пентландс», каменный коттедж на краю мыса Монксмир. Здесь Дэлглиш и навещал ее два раза в год.

Это были не просто обязательные визиты, хотя он ощущал бы за тетю ответственность, не будь она настолько самодостаточной, что порой бывало стыдно проявлять к ней даже тепло, выглядевшее оскорблением. При этом их теплые чувства были взаимными, о чем знали оба. Он уже предвкушал встречу с тетей, как и гарантированное удовольствие от отдыха на Монксмире.

В широком очаге будут полыхать подобранные на берегу и высушенные ветки, распространяя аромат на весь дом. Кресло с высокой спинкой перед камином некогда стояло в кабинете его отца, в доме викария, где он появился на свет, и кожаная обивка пахла детством. Адама ждала спальня со спартанской обстановкой, в окно которой можно было любоваться морем и небом, удобная, хоть и узковатая, кровать с простынями, слегка пахнущи-

ми древесным дымком и лавандой, вдоволь горячей воды и длинная ванна, где высокий мужчина мог растянуться во весь рост. Сама тетка тоже была высокая, и ее представление об удобстве было вполне мужским. Его встретит чай у камина и горячие тосты с маслом и с мясом. А главное, никаких трупов, даже разговоров о них! Адам подозревал, что Джейн Дэлглиш находит его выбор профессии странным: вряд ли она считала достойным умного человека зарабатывать на жизнь поимкой убийц, к тому же была не из тех, кто изображает вежливый интерес к не занимающему его предмету. Джейн не требовала от племянника ничего, даже привязанности, а потому была единственной на свете женщиной, в обществе которой ему было по-настоящему спокойно. Он точно знал, что преподнесет ему этот отпуск. Они будут гулять вдвоем, часто молча, по влажной полосе плотного песка между пеной прибоя и намытым волнами галечным гребнем. Адам взвалит на себя ее принадлежности для рисования, а Джейн опередит его и, грея руки в карманах жакета, станет высматривать неразличимых на гальке пташек-каменок и следить за полетом крачек и ржанок. Спокойствие, отдохновение, полное отсутствие обязательств; по прошествии десяти таких дней он вернется в Лондон полным сил.

Теперь Адам ехал через лес по дороге, обсаженной стараниями лесного ведомства темными елями. Ему не терпелось почувствовать запах моря: привкус соли привлекал его больше, чем горький запах хвои. Он все больше воодушевлялся, как ребенок, возвращающийся домой. Лес закончился, густая зелень елей сменилась мазками цвета морской волны — полями с оградой из колючего кустарника. Потом и поля остались позади, и дорога заплетяла среди утесника и вереска пустошей, предварявших Данвич. Достигнув деревни, Адам свернул направо и стал медленно въезжать на холм, минуя стену разрушенного францисканского монастыря, как вдруг раздался автомобильный гудок, и мимо пронесся обогнавший его «ягуар». Над темноволосой головой взметнулась в знак привет-

ствия рука, и машина с прощальным гудком скрылась за поворотом. Оливер Лэтэм, театральный критик, прикатил на уик-энд к себе в коттедж. Дэлглиша это ничуть не огорчило: Лэтэм приезжал в Суффолк не для общения. Как и другой ближний сосед, Джастин Брайс, он использовал свой коттедж как убежище от Лондона, а то и вообще от людей, хотя навещался на Монксмир реже Брайса. От одной-двух встреч с Лэтэмом у Дэлглиша осталось впечатление какого-то беспокойства, напряжения — качеств, которые не устраивали его и в собственном характере. Лэтэм был известен любовью к гоночным автомобилям и к быстрой езде, и Дэлглиш подозревал, что ему приносит облегчение именно дорога до Монксмира и обратно. Непонятно, зачем ему нужен коттедж. Он бывал здесь редко, никогда не привозил сюда своих женщин, не пытался обставить и обжить дом и использовал его как стартовую точку для поездок с ветерком по округе — иррациональных, с оттенком безумия, явно служивших эмоциональной разрядкой.

Увидев на изгибе дороги коттедж «Розмари», Дэлглиш прибавил скорость. Надежды проскочить незамеченным не было. Проносясь мимо коттеджа, он успел заметить лицо в окне верхнего этажа. Что ж, этого следовало ожидать. Селия Колтроп возомнила себя старейшиной маленького сообщества на Монксмире и присвоила себе ряд обязанностей и привилегий. Если ее соседи по оплошности не уведомляли ее о перемещениях, не говоря о гостях, то она была готова взять выяснение происходящего на себя. Острый слух улавливал приближение машин, а расположение ее коттеджа — перекресток проселка, петляющего по пустоши, и дороги из Данвича — позволяло ничего не упустить из виду.

Мисс Колтроп приобрела строение под названием «амбар Броуди» и переименовала его в коттедж «Розмари» двенадцать лет назад. Дом достался ей по дешевке после аккуратного, но неослабного нажима и был затем — опять за сходную цену — превращен из обветшалого каменного

форпоста в романтический идеал ее читательниц. Он часто красовался в женских журналах, расхваливался как «очаровательное суффолкское обиталище Селии Колтроп, где она сочиняет в безмятежной сельской обстановке захватывающие любовные истории, столь любимые ее читательницами». Коттедж «Розмари» был верхом комфортабельности, а также вычурности и безвкусицы; снаружи он выглядел именно таким, каким полагалось быть, с точки зрения владелицы, деревенскому домику: соломенная крыша (поглощавшая удручающую уйму денег на страховку и содержание), искусственный прудик (летом источавший зловоние), голубятня (голуби этот насест упорно избегали). На прилизанной лужайке «писательское сообщество» — фраза Селии — летом пило чай. Сначала Джейн Дэлглиш среди приглашенных не числилась, и не потому, что не объявляла себя писательницей. Просто она была одинокой престарелой старой девой, то есть, по шкале ценностей мисс Колтроп, социальной и сексуальной неудачницей, заслуживавшей лишь снисхождения. Но со временем мисс Колтроп открылось, что ее соседку считают незаурядной люди, достойные выносить суждения, и мужчины, наведывающиеся в нарушение правил добропорядочности к соседке в «Пентландс» и с удовольствием гуляющие по морскому берегу в ее обществе, сами заслуживают уважения. Этим открытия не исчерпывались. Однажды Джейн Дэлглиш видели даже в «Прайори-Хаус», резиденции Р.Б. Синклера. Не все почитатели трех больших романов Синклера, последний из которых был написан тридцать лет назад, знали, что он еще жив, разделить же с ним трапезу удавалось совсем уж немногим счастливицам. Мисс Колтроп была не из тех, кто упорствует в своих заблуждениях: мисс Дэлглиш мигом превратилась в «дорогую Джейн». Сама она продолжала называть соседку «мисс Колтроп» и понятия не имела, что та сменила гнев на милость, — как не знала прежде, что вызывала у той гнев. Дэлглиш так и не разобрался, как она относилась к Селии. Она мало говорила о соседях, а в об-